

Томас Маколей

Две речи об авторском праве*

Содержание

1. Речь, произнесенная в Палате Общин 5-го февраля 1841 1
2. Речь, произнесенная в комиссии Палаты Общин 6-го апреля 1842 года 9

1. Речь, произнесенная в Палате Общин 5-го февраля 1841

29 января 1841 года мистер Серджент Тэлфорд получил разрешение представить законопроект с поправками к закону об авторском праве. Целью данного законопроекта было продление срока действия авторского права на книги до шестидесяти лет, считая от момента смерти автора.

5 февраля мистер Серджент Тэлфорд вынес этот законопроект на рассмотрение во втором чтении. В ответ на это была произнесена следующая речь. Законопроект был отклонен 45-ю голосами против 38.

Хотя, господа, должно быть приятно обратиться к предмету, в отношении которого политические страсти и злоба не имеют никакого влияния, я предлагаю свои соображения Вашему вниманию с некоторой неохотой. Мне тягостно занять позицию, которая может быть неправильно понята, или представлена в ложном свете, как недружественная по отношению к интересам литературы и пишущей публики. Мне мучительно, хочу я добавить, возражать моему почтенному и ученому другу по вопросу, который он поднял руководствуясь чистейшими побуждениями и которому он относится с отеческим интересом. Эти чувства до настоящего времени удерживали меня от выступлений в ходе обсуждения закона об авторском праве. Но, поскольку я, по внимательном рассмотрении, более не сомневаюсь, что предлагаемые меры, если они будут приняты, нанесут достойный сожаления ущерб народу, не предоставив никакого преимущества для литераторов, способного возместить его, я считаю своим долгом высказать свое мнение и защищать его.

Господа, первая вещь, которую мы должны сделать, это договориться о том, на каких принципах мы будем основывать обсуждение вопроса. Свободны ли мы издавать законы для общественного блага или нет? Есть ли это вопрос целесообразности или же это вопрос справедливости? Многие из тех, кто писал и ходатайствовал против существующего положения дел рассматривают этот вопрос, как вопрос справедливости. По их мнению законы природы дают каждому человеку священное и неоспоримое право собственности на его идеи, плоды его разума и воображения. Законодатель, конечно, имеет власть отобрать эту собственность, так же как он имеет власть принять акт об объявлении вне закона и казнить невинного человека без суда. Но, как акт об объявлении вне закона будет легальной формой убийства, так же и акт, вторгающийся в право автора на создание копий его произведений будет, согласно мнению этих джентльменов, лишь законной формой грабежа.

Перевод: Антон Москаль (msh@tepkom.ru), 15 января 2003, <http://oops.tepkom.ru/~msh/macaulay/index.html>. Данная работа распространяется на условиях *Creative Commons Attribution-NoDerivs-NonCommercial License*.

Это означает, что разрешается свободное распространение и использование текста в любых (в том числе – коммерческих) целях, в том числе и при создании производных продуктов, при условии сохранения указания авторства и того, текст и/или производные от него продукты распространяются на тех же условиях.

Полный текст лицензии доступен на <http://creativecommons.org/licenses/by-sa/1.0>, либо вы можете обратиться за ним по адресу *Creative Commons, 559 Nathan Abbott Way, Stanford, California 94305, USA*.

This work is licensed under the *Creative Commons Attribution-ShareAlikeLicense*. To view a copy of this license, visit <http://creativecommons.org/licenses/by-sa/1.0> or send a letter to *Creative Commons, 559 Nathan Abbott Way, Stanford, California 94305, USA*.

Господа, если дело действительно обстоит таким образом, то пусть совершится правосудие, чего бы это ни стоило. Я не готов, подобно моему почтенному и ученому другу согласиться на компромисс между правом и целесообразностью и совершить несправедливость ради удобства для общества. Но я должен отметить, что основания его теории находятся далеко за пределами моих умственных способностей. Нет необходимости пускаться в нашем случае в метафизические исследования о происхождении права собственности; и конечно, ничего кроме сильнейшей надобности, не могло вынудить меня пуститься в обсуждение предмета, который вероятно будет неприятен Палате. Я должен признаться, что я согласен с Пэли в мысли о том, что собственность есть порождение закона, и в том, что закон, который порождает собственность, может быть оправдан только на том основании, что этот закон приносит пользу человечеству. Но нет необходимости обсуждать этот предмет. Даже если я верю в естественное право собственности, независимое от полезности и верховенства закона, я должен отвергнуть идею, что это право должно пережить первоначального владельца. Даже среди тех, кто воспитан в духе наиболее мистических и сентиментальных школ нравственной философии лишь немногие, я полагаю, склонны утверждать, что существует естественный закон в отношении наследования более древний и имеющий большую силу, чем любой людской закон. Если бы это действительно оказалось так, то несомненно мы вынуждены бы к реформе много более серьезной, чем любая из реформ, связанных с вопросом авторского права. Дело в том, что естественный закон может быть только один; однако во владениях Её Величества существует двадцать разновидностей наследования. Если оставаться в пределах Англии, земли обычно переходят к старшему сыну. В Кенте сыновья получают свои доли на равных правах. Во многих краях все получает младший сын. Ранее часть собственности человека гарантировалась его семейству; и только оставшейся частью он мог распорядиться по своему усмотрению. Сейчас человек может распорядиться всем имуществом по своему желанию; однако несколько лет назад вы ограничили его власть, постановив, что его воля не будет действительна, если она не подтверждена как минимум двумя свидетелями. Если человек скончался не оставив завещания, то его собственность обычно передается в соответствии с законом о наследовании, но местные власти могут вносить изменения в этот закон. Так какая из всех этих систем соответствует вечным нормам права? Право первородства, или раздел в равных долях, или наследование имущества младшим сыном? Является ли завещание высшим законом? Требуется ли высший закон наличия двух свидетелей? Может ли изучение мотивировок наших старых законов привести к ясному выводу, что они должны рассматриваться как установленные свыше? Были ли законы о наследовании установлены на Небесах задолго до того, как приняты Парламентом? Или суду Йорка или Лондона принадлежит это высокая привилегия? Несомненно, господа, даже те, кто настаивает на том, что существует естественное право собственности, должны согласиться, что правила, предписывающие порядок распределения имущества покойного совершенно произвольны и что их источником является воля законодателей. Если это так, господа, то не существует противоречия между моим почтенным и ученым другом и мною в отношении принципов, на основании которых следует рассматривать этот вопрос. Существующий закон охраняет права автора в течение всей его жизни; и я не предлагаю затрагивать эту привилегию; напротив, я готов энергично отстаивать ее против всех противников. Единственное расхождение между нами заключается в вопросе о том, сколь долго после смерти автора Государство должно признавать авторское право его душеприказчиков и правопреемников; и я думаю любому разумному человеку должно быть ясно, что это тот вопрос, который законодатели свободны решить тем образом, который представляется наиболее способствующим общему благу.

Я полагаю, теперь мы должны спуститься с этих возвышенных областей, где мы подвергаемся опасности затеряться в облаках, на твердую землю и к ясному свету. Позвольте нам посмотреть на эти вопросы подобно законодателям и, справедливо взвесив достоинства и недостатки, вынести решение лежащее между существующим законом об авторском праве и законом, который нам сейчас предложен. Вопрос авторского права, господа, подобно большинству других вопросов гражданского права, не является ни черным, ни белым, а скорее серым. Система авторского права имеет значительные достоинства и значительные недостатки; и наша обязанность состоит в том, чтобы прояснить их и затем принять соглашение, при котором преимущества будут обеспечены в как можно большей степени, а недостатки в максимально возможной степени исключены. Возражение, которое я выдвигаю против законопроекта моего почтенного и ученого друга состоит в том, что он сохраняет преимущества авторского права близкими к тем, которые существуют ныне, одновременно увеличивая недостатки, самое меньшее, четырехкратно.

Преимущества, проистекающие из системы авторского права очевидны. Нам желательно иметь предложение хороших книг; мы не можем получить подобное предложение, если литераторы не будут щедро вознаграждаться; и наименее спорным путем их вознаграждения является тот, который предоставляет авторское право. Вы не можете рассчитывать для литературного творчества на досуг людей, занятых

повседневными жизненными заботами. Такие люди могут время от времени создавать произведения, обладающие большими достоинствами. Но вы не должны полагаться на таких людей в делах, требующих глубокой сосредоточенности и длительных исследований. Труды такого рода вы можете ожидать только от лиц, которые сделали литературу делом своей жизни. Только немногие из таких лиц могут быть найдены среди состоятельных и благородных людей. Состоятельные и благородные люди не побуждаются к умственному труду необходимостью. Они могут быть побуждены к умственному труду стремлением отличиться, или стремлением принести пользу обществу. Внутри этих стен обычно, что люди ищут способа отличиться или послужить их ближним. И их амбиции и их дух патриотизма, в стране подобной нашей, выполняют свою роль. Однако существуют люди, чьей профессией является словесность, и чьи личные средства не столь обильны, чтобы можно было рассчитывать на них в создании хороших книг. Такие люди должны быть вознаграждены за их литературный труд. И существует только два способа обеспечить им вознаграждение. Один из этих путей – покровительство, другой – авторское право.

Были времена, когда литераторы искали вознаграждения за свои труды не у публики, но у правительства или немногих великих людей. Это было время Мецената и Поллиона в Риме, Медичи во Флоренции, Людовика XIV во Франции, лорда Галифакса и лорда Оксфорда в нашей стране. Господа, я хорошо знаю, что это были случаи, в которых это было достойно и хорошо, более того, в которых вознаградить заслуги или облегчить нужду гениальных людей при помощи подобной щедрости было священным долгом. Но эти случаи являются исключениями. Я не могу представить себе системы более пагубной для чести и независимости пишущего человека, чем та, при которой он будет приучен искать средства к существованию в благосклонности министров и нобилей. Я не могу представить себе системы более способной превратить умы созданные природой для блага и украшения человеческого рода в позор для общества и тунеядцев.

Таким образом у нас остается единственная возможность. Мы должны прибегнуть к авторскому праву и стерпеть его недостатки. Эти недостатки не являются ни редкими, ни незначительными. Авторское право – это монополия, и вызывает все те последствия, которые в общее мнение человечества приписывает монополиям. Мой почтенный и ученый друг весьма презрительно отозвался о тех, кто руководствуется теорией, что монополии делают вещи дорогими. То, что монополии делают вещи дорогими, без сомнения является теорией, но и все значительные истины, установленные опытом всех веков и народов и которые считаются сами собой разумеющимися во всех рассуждениях, также могут быть названы теориями. Это теория в том же самом смысле, в котором день и ночь сменяют друг друга, свинец тяжелее воды, хлеб питателен, мышьяк ядовит, а алкоголь опьяняет. Если, как вероятно полагает мой почтенный и ученый друг, весь мир заблуждается в этом вопросе, если действительный эффект монополии – делать вещи добротными и дешевыми, то почему он останавливается так близко в своих предложениях? Почему он ограничивает действие столь полезного установления шестьюдесятью годами? Почему он согласен на что-либо более краткое, нежели вечность? Он говорит нам, что в согласии на срок более краткий, чем вечность, он видит компромисс между исключительными правами и целесообразностью. Но если его мнение по поводу монополии верно, исключительные права и целесообразность должны совпадать. Или, с другой стороны, почему мы не должны восстановить монополию Ост-Индской компании на торговлю с Восточной Индией? Почему мы не должны возродить все эти древние монополии, которые в Елизаветинские времена возмутили наших предков столь сильно, что обезумев от нестерпимого зла, они восстали против своего суверена с силой, перед которой ее высокомерный дух дрогнул в первый и в последний раз? Была ли дешевизна и превосходство товаров тем, что столь сильно возбудило негодование английского народа? Я полагаю, господа, что я могу с уверенностью предположить, что обычный эффект монополии это оскудение предложения товаров, их дороговизна и низкое качество. И я могу с равной уверенностью бросить вызов моему почтенному другу, предложив ему отыскать хоть какое-нибудь отличие между авторским правом и другими привилегиями того же рода; любую причину, по которой монополия на книги должна произвести эффект, прямо противоположный тому, который она произвела в случае монополии Ост-Индской компании на торговлю чаем, или монополии лорда Эссекса на торговлю сладкими винами. Таким образом, подведем итоги. Желательно, чтобы авторы были вознаграждены; вызывающий наименьшие возражения способ такого вознаграждения – это монополия. С другой стороны – монополия – это зло. В интересах общего блага мы должны прибегнуть ко злу; но зло не должно длиться ни на один день дольше, нежели это необходимо для обеспечения блага.

Я не утверждаю, что существующий закон совершенен, что он точно проводит ту границу, на которой должна прекратиться монополия, но я могу с уверенностью сказать, что существующий закон намного ближе к этой границе, чем закон, предложенный моим почтенным и ученым другом. Примите во внимание то, что пагубные последствия монополии пропорциональны ее продолжительности. Монополия длительностью в шестьдесят лет приносит в два раза больше вреда, чем монополия длительностью в тридцать

лет, и в три раза больше вреда, нежели монополия длительностью в двадцать лет. Но невозможно утверждать, что посмертная монополия длительностью в шестьдесят лет предоставляет автору в три раза больше выгоды или в три раза более сильный стимул, по сравнению с посмертной монополией длительностью двадцать лет. Напротив, различие столь невелико, что с трудом может быть замечено. Все мы знаем насколько слабо мы подвержены влиянию перспективы отдаленных выгод, даже если выгоды, на которые мы можем надеяться, получим мы сами. Но вряд ли нас побудит к действиям ожидание выгод, которые будет получать в течение более чем полувека с момента нашей смерти кто-либо другой, кого мы не знаем и кто вполне вероятно еще не рожден, и возможно не имеет к нам ни малейшего отношения. Вполне возможно, что через несколько поколений земли в сердце неисследованного Австралийского материка будут очень дороги. Но сейчас никто из нас не отдаст даже пяти фунтов за целую область в центре Австралийского континента. Мы знаем, что ни мы, и никто другой из тех, о ком мы заботимся, не получит даже фартинга дохода с этой территории. Люди очень мало думают о том что в 2000 или 2100 году кто-либо, кто освоит эти земли, будет иметь больше пастухов, чем князь Эстергази и будет владеть лучшим домом и картинной галереей в Виктории или Сиднее. Но это ведь именно та разновидность вознаграждения, которую мой почтенный и ученый друг предлагает авторам. Если рассматривать это как вознаграждение для них, то оно более чем ничтожно, но будучи рассмотренным как налог на общество, оно не только не ничтожно, но напротив является серьезной и пагубной реальностью. Я приведу пример. Доктор Джонсон скончался пятьдесят шесть лет назад. В соответствии с законом, который предлагает принять мой почтенный и ученый друг, кто-то сейчас обладал бы монополией на труды доктора Джонсона. Сейчас невозможно сказать, кто именно бы это был; но мы можем позволить себе пофантазировать. Я предположу, что это мог бы быть какой-то книготорговец, являющийся правопреемником другого книготорговца, правнука третьего торговца, который приобрел право на распространение у Блэка Франка, слуги и наследника доктора, приблизительно в 1785 или 1786 году. Но может ли знание того, что это право будет действовать в 1841 году послужить вознаграждением для Джонсона? Будет ли это поощрять его усилия? Поднимет ли это его хоть однажды с постели посреди ночи? Ободрит ли его хоть раз во время тоски? Подвигнет ли это его на создание еще одной аллегии, еще одного жизнеописания поэта, еще одного подражания Ювеналу? Я твердо уверен, что нет. Я твердо уверен, что сто лет назад, когда он записывал наши прения для Gentleman's Magazine, он был бы много больше рад паре пенсов, на которые бы мог купить кусок мяса в подвальчике харчевни. В качестве награды для него различие между двадцатью или шестидесятью годами посмертного авторского права будут ничем или практически ничем. Но есть ли разница для нас? Я могу купить "Раселласа" за шесть пенсов; я мог бы отдать пять шиллингов за него. Я могу купить "Словарь", весь замечательный Словарь всего за две гиней, или даже менее; я мог бы отдать пять или шесть гиней за него. Жалко ли мне этого для человека подобного доктору Джонсону? Никким образом. Докажите мне, что надежда на эту награду подвигнет его к другим свершениям или что она укрепит его дух перед лицом неблагоприятных обстоятельств, и я охотно соглашусь заплатить за это любую цену, какова бы она ни была. Но я возражаю против того, что мне причинит вред, но не предоставит пользы Джонсону; против того, что я отдам пять фунтов за то, что не даст ему даже фартинга.

Именно в этом заключается идея авторского права. Это налог на читателей, цель которого – вознаграждать писателей. Налог – это чрезвычайно плохая вещь; этот налог – это налог на одно из наиболее невинных и наиболее полезных из людских удовольствий; и никто из нас не должен забывать, что налог на невинные удовольствия одновременно является премией для удовольствий порочных. Я признаю, однако, необходимость предоставить награду для гениальности и учености. Ради этого я с готовностью подчинюсь даже этому суровому и обременительному налогу. Более того, я готов даже увеличить этот налог, если будет доказано, что делая это я соразмерно увеличиваю и вознаграждение авторов. Но я недоволен тем, что мой почтенный и ученый товарищ удваивает, утраивает, учетверяет этот налог ради скудного с любой точки зрения прибавления к награде. Господа, давайте оценим дополнительную плату, которая будет требована с публики только за произведения доктора Джонсона, если законопроект моего почтенного и ученого друга станет законом нашей страны. Я не располагаю достаточными сведениями, чтобы составить точное мнение. Но я уверен, что налог только на один его "Словарь" будет составлять несколько тысяч фунтов. Если оценить всю дополнительную сумму, которую обладатели его авторских прав заберут из карманов публики в течении последней половины века, то мы получим сумму в двадцать тысяч фунтов. Я уверен, что я сильно недооценил ее. Сейчас я еще раз хочу сказать, что я полагаю, что было бы хорошо, если бы мы должны были потратить двадцать тысяч фунтов ради вознаграждения и ободрения доктора Джонсона, измеряемого суммой в двадцать тысяч фунтов. Но я полагаю, что то, что мы должны заплатить двадцать тысяч фунтов ради того, что для него вряд ли имеет ценность хотя бы в пять шиллингов, явно чрезмерно.

Мой почтенный и ученый друг подробно останавливается на интересах потомков великих писателей. Вне всякого сомнения, господа, было бы очень приятно видеть наследников Шекспира живущими в богатстве, происходящем от плодов гения их великого предка. Дом, содержащийся в блеске благодаря подобному наследству безусловно был бы для нас гораздо более интересным объектом нежели то, чем является нынешний Бленхейм или то, чем будет Strathfieldsaye во времена наших потомков. Но к сожалению это вряд ли возможно хоть при какой-нибудь системе. Мой почтенный и ученый друг не предлагает, чтобы авторское право наследовалось старшим сыном или передавалось по наследству без права отчуждения. Поэтому в высшей степени невероятно, что оно в течение шестидесяти лет будет переходить от отца к сыну. Гораздо более вероятно, что на него будет претендовать более одного наследника. Они скорее всего предпочтут продать его и разделить вырученную сумму. Цена, которую книготорговец заплатит за это, если его сделка окажется удачной, скорее всего будет много меньше, нежели сумма, которую он впоследствии получит с общества. Он вряд ли даст много, если даст вообще хоть что-то, за срок длительностью шестьдесят лет, по сравнению с тем, что он даст за тридцати или двадцатипятилетний срок. Текущая ценность отдаленных выгод всегда невелика, а в тех случаях, когда есть основания для сомнений в том, будут ли эти отдаленные выгоды вообще иметь место, текущая стоимость падает практически до нуля. Непостоянство вкуса публики таково, что ни одни разумный человек не возьмется с уверенностью предсказать как будет продаваться в 1890 или 1900 году книга, изданная в наши дни. Образ мышления и стиль письма часто меняется за много более короткий промежуток времени, нежели тот, до которого мой почтенный и ученый друг предлагает продлить срок посмертного действия авторского права. Что во времена Карла Второго считалось наилучшим литературным произведением? Я полагаю, поэмы Коули. Спустя шестьдесят лет Поуп спрашивал своих современников “Кто читает Коули?” Какие книги ожидалась публикой в 1754 году с большим нетерпением, нежели труды лорда Боллингброка? В 1814 ни один книготорговец не поблагодарит вас за права на его книги, даже если вы предложите их ему бесплатно. Сколько вам дадут на Paternoster Row за права на Hayley’s Triumphs of Temper, которым так восхищались на памяти многих ныне еще живущих? Я утверждаю, что по самой своей природе литературная собственность почти всегда покидает семью автора; и я утверждаю, что цена, уплаченная за нее наследникам всегда будет очень небольшой частью того налога, который покупатель, если его сделка окажется успешной, будет взимать с публики долгие годы.

Если, господа, я хочу найти убедительную и совершенную иллюстрацию последствий, которые я ожидаю от длительного срока действия авторского права, я должен рассмотреть случай, который вероятно удивит моего почтенного и ученого друга, историю внучки Мильтона. В ходе обсуждения этого законопроекта судьба внучки Мильтона выдвигалась при каждом удобном случае как аргумент в пользу монополии. Мой почтенный и ученый друг неоднократно с большим красноречием и успехом рассказывал эту историю. Он пространно повествовал о страданиях и о жалкой нищете этой несчастной женщины, последней представительницы блистательного рода. Он рассказал нам о том, как Гаррик организовал для нее бенефис, как Джонсон написал для него пролог, а публика собрала несколько сотен фунтов. Не было ли то, что она получила в результате этого благотворительного предприятия, спрашивал он, ничтожной долей того, что причиталось ей по праву? Почему, спрашивал он, вместо получения жалкой милостыни, она не жила в комфорте и достатке на доходы от произведений ее предка? Но, господа, неужели мой почтенный и ученый друг хочет сказать мне, что этот случай, который он столь часто и патетически описывал, был вызван краткостью срока действия авторского права? В то время продолжительность авторского права была даже больше, чем та, которую он предлагает установить сейчас. Монополия длилась не шестьдесят лет, а бессрочно. В то самое время, когда внучка Мильтона зависела от милостыни, исключительные права на книги Мильтона принадлежали книготорговцу. Спустя несколько месяцев после бенефиса, состоявшегося в театре Гаррика, держатель авторских прав на “Потерянный Рай”, насколько я помню, это был Тонсон, обратился к суду Лорда-Канцлера с иском против книготорговца, который издал дешевое издание этой великой эпической поэмы и выиграл это дело. Представление “Комуса” было, если я правильно помню, в 1750 году, а запрет на распространение дешевого издания случился в 1752. Это является идеальной иллюстрацией воздействия долгого срока охраны авторского права. Труды Мильтона являются собственностью единственного книготорговца. Любой, кому они нужны, должен покупать их в лавке Тонсона и по цене Тонсона. Если кто-то пытается продавать их дешевле Тонсона, он подвергается судебному преследованию. Тысячи тех, кто желал бы иметь “Потерянный Рай”, должны лишиться этого замечательного удовольствия. И каково, после всего этого, положение единственного человека, судьба которого должна, по нашим предположениям, заботить автора? Она ввергнута в крайнюю нищету. Работы Мильтона находятся под властью монополии. Внучка Мильтона голодает. Читатели ограблены, но семья писателя ничего не имеет с этого. Общество платит дважды. Оно платит непомерную цену за книги; и в

тоже самое время оно вынуждено собирать подаяние для единственной оставшейся в живых наследницы поэта.

Но это еще не все. Я хочу привлечь внимание Палаты к тому злу, которого следует ожидать, если авторские права, вместо того, чтобы перейти к книготорговцам, останутся в руках семьи автора. Я серьезно опасаясь того, что если такая мера будет принята, то многие значительные произведения будут изъяты из продажи либо безжалостно изувечены. Легко показать, что опасность эта не является надуманной; и я вполне убежден, что если эта опасность станет реальностью, то все предосторожности, предлагаемые моим почтенным и ученым другом окажутся тщетными. Я уверен, что многие из вас знают людей, которые как я полагаю совершенно напрасно, но из лучших побуждений предпочли бы не переиздавать романы Филдинга или “Закат и падение Римской Империи” Гиббона. Некоторые джентльмены безусловно могут считать, что было бы лучше всего, если бы “История Тома Джонса” или “История” Гиббона более никогда бы не были изданы. Я однако не собираюсь более останавливаться на этих и других, подобных им, случаях. Я рассмотрю примеры, в отношении которых вряд ли будут расхождения во мнениях. Случаи, о которых я говорю, являются не предметом предположений, а реальным фактом. Возьмем к примеру романы Ричардсона. Вне зависимости о того, что я при нашей нынешней okazji думаю о суждениях моего почтенного и ученого друга, как законодателя, я всегда с уважением отнесусь к его суждениям в качестве критика. Я уверен, он скажет, что романы Ричардсона относятся к числу наиболее значительных и оригинальных книг на нашем языке. Не было книг, сделавших больше для распространения славы английского языка в других странах. Нет книг более трогательных. За исключением пьес Шекспира, нет книг выказывающих большее знание глубин человеческого сердца. В том, что касается их нравственной направленности, я могу призвать на помощь наиболее уважаемого свидетеля. Доктор Джонсон охарактеризовал Ричардсона, как того, кто заставляет страсти повиноваться велениям добродетели. Когда мистер Вильберфорс, мой добрый и ученый друг, в своем знаменитом религиозном трактате говорил о нехристианских тенденциях в модных романах восемнадцатого века, он недвусмысленно и ясно исключил Ричардсона из списка книг, подлежащих цензуре. Другой человек, к мнению которого я всегда относился с глубоким уважением, миссис Ханна Мо, часто говорила мне во время наших бесед, что именно из книг Ричардсона она узнала те правила добродетели, которыми она руководствуется в своей жизни. Она повторила тоже самое и в одном из своих опубликованных стихотворений. Я могу с уверенностью сказать что книги, прославленные во всем цивилизованном мире, нравственные достоинства которых вызвали похвалу доктора Джонсона, мистера Вильберфорса и миссис Ханны Мо, не должны быть изъяты из печати. Однако, господа, я вполне уверен, что если бы закон, предлагаемый моим почтенным и ученым другом был бы принят, то это вполне могло бы случиться. Я хорошо помню внука Ричардсона; он был священником в лондонском Сити. Он был прекрасным и нравственным человеком, но он имел сильное предубеждение против художественной литературы. Он считал чтение любых романов не просто легкомысленным делом, но грехом. Я сошлюсь на слова одного из его собратьев по церкви, ныне епископа: он говорил, что внук Ричардсона никогда даже не думал прочесть хоть одну из книг своего деда. Допустим, господа, что уже действовал бы закон, который предлагает принять наш ученый и почтенный друг. Предположим, что авторское право на романы Ричардсона перешло по наследству к его внуку. Я уверен, что он счел бы грехом выпускать их в широкое обращение. Я вполне уверен, что он не стал бы совершать поступок, который считал греховным даже ради ста тысяч фунтов. Он бы не согласился на их переиздание. И что дала бы обществу в этом случае предосторожность, которую предлагает установить мой почтенный и ученый друг? Господа, вот что он предлагает на этот случай: если книга не переиздана в течение пяти лет, то любое лицо, желающее переиздать ее должно дать объявление в лондонской Gazette. Объявление должно быть опубликовано трижды. Затем, если в течение года владелец авторских прав не выпускает новое издание, он теряет свои исключительные права. Что эта предосторожность дает обществу? Что такое новое издание? Определяет ли закон количество экземпляров, которые должно содержать издание? Ограничивает ли он цену одного экземпляра? Будут ли изданием двадцать экземпляров большого формата, продаваемые по цене тридцать гиней каждый? В тех случаях, когда предоставляется монополия, является обычной практикой определить минимальное количество и ограничить цены. Но я не вижу, что мой почтенный и ученый друг предлагает сделать это в данном случае. А без подобных мер предосторожности защита, которую он предлагает, очевидно иллюзорна. Я убежден, что при той системе, которую он рекомендует нам, экземпляр “Клариссы” станет такой же редкостью как книги издания Альдуса или Кэкстона.

Я приведу другой пример. Одна из наиболее поучительных, интересных и очаровательных книг на нашем языке, это “Жизнь Джонсона” Босуэлла. Сейчас хорошо известно, что старший сын Босуэлла считал эту книгу и все отношения Босуэлла с Джонсоном позорным пятном на чести семьи. Он полагал, хотя и безо всяких на то оснований, что его отец представил себя в смешном и недостойном свете. И что он

воспринимал это столь болезненно и с таким раздражением, что не желал слышать даже упоминаний о “Жизни Джонсона”. Предположим, что действует закон, который хочет принять мой почтенный и ученый друг. Предположим, что авторское право на “Жизнь Джонсона” принадлежит его старшему сыну шестьдесят лет, как это может быть в результате предлагаемых сейчас изменений. Что будет результатом? Неискаженная копия лучшей в мире биографии будет такой же редкостью, как и первое издание “Британии” Кэдмена.

Это убедительные примеры. Я показал вам что если бы закон об авторском праве уже действовал в том роде, в котором вы собираетесь его сейчас принять, то лучшие художественные произведения нашего языка и лучшая биографическая книга на нашем языке с очень большой вероятностью были бы изъяты из печати. Я привел достаточно безобидные примеры. Книги, которые я упоминал, вполне невинны и не касаются тех вопросов, которые могут вывести даже мудрого человека за рамки разумного поведения. Существуют книги совершенно иного рода, книги, которые служат идейной основой крупных политических или религиозных партий. Что может случиться, если права на одну из таких книг перейдут в результате наследования или продажи в руки кого-либо из ее фанатичных противников? Я приведу простой пример: Джон Уэсли умер всего лишь пятьдесят лет назад, и все его книги, в соответствии с законом, предлагаемым моим почтенным и ученым другом, должны были бы оказаться собственностью тех или иных лиц. Секта, основанная Уэсли, является наиболее многочисленной, богатой, наиболее влиятельной и наиболее фанатичной среди наших сект. Во время каждых выборов в Парламент важнейшей задачей является получить поддержку со стороны методистов Уэсли. Их численность исчисляется сотнями тысяч. Они относятся к памяти своего основателя с величайшим почтением, и не без основания, поскольку он несомненно был замечательным и добродетельным человеком. Они постоянно взывают к его авторитету. Его труды являются для них высочайшей ценностью. Его теологические писания они рассматривают как наилучшую теологическую систему когда либо основанную на Писании. Его дневники, интересные даже для обычного читателя, для методистов представляют особый интерес: для них они содержат в себе всю историю того единственной институции, которая, слабая и презираемая в своем начале, сейчас, по прошествии века, стала столь сильной, столь процветающей и столь значительной. Молитвы, которым Уэсли дал свое одобрение, сейчас составляют наиболее важную часть богослужения его последователей. Теперь, представьте себе, что права на его работы перейдут к лицу, у которого сам Уэсли, его учение и практика методистов вызывают отвращение. Есть немало таких людей. Как раз сейчас церковный суд Господствующей Церкви рассматривает дело священника, отказавшего в погребении по христианскому обряду ребенку, крещеному методистским священником. Я вполне могу представить себе день, когда авторские права на книги Уэсли окажутся в руках кого-то из представителей той значительной части Англиканской Церкви, которые, как я уже говорил, считают Уэсли отступником. Предположим, что книги Уэсли будут изъяты из печати. Подобная обида, господа, вполне способна потрясти основы Государства. Пусть джентльмены, принадлежащие Церкви представят на мгновение, какие чувства они испытают если “Книга общественного богослужения” не будет издаваться в течение тридцати или сорока лет, что ее цена возрастет до пяти или десяти гиней. И теперь пусть они решат, хотят ли они принятия закона, который делает возможной ситуацию, столь же невыносимую для секты, насчитывающей около полумиллиона последователей.

Я весьма признателен, господа, за то внимание, с которым Палата слушала мою речь, и я не собираюсь более отнимать ваше время. В заключение я желаю сказать, что если предлагаемые нашему вниманию меры будут утверждены, и произведут хотя бы одну десятую часть всего того зла, которое по моему мнению они должны произвести, очень скоро найдется средство от этой болезни, хотя и очень нежелательного рода. Также, как нелепый акт, запрещающий азартные игры, фактически игнорируется его нарушителями, также, как многие нелепые торговые привилегии фактически игнорируются контрабандистами, так и этот закон будет отвергнут на практике благодаря пиратским изданиям. В настоящее время симпатии публики находятся на стороне обладателей авторского права. Те, кто нарушают права авторов, сейчас рассматриваются как мошенники, лишаящие достойных уважения людей заслуженного куска хлеба. Любой человек будет рад видеть их обузданными силой закона и вынужденными вернуть их нечестно полученные доходы. Ни один торговец с приличной репутацией не будет иметь дела с этими бесчестными делами. Но стоит лишь только принять этот закон, и чувства эти быстро окончатся. Люди, очень отличные от нынешней породы пиратских торговцев, скоро нарушат эту невыносимую монополию. Большие капиталы будут постоянно вовлечены в нарушение закона. Все доступные средства будут использованы для того, чтобы избежать преследования со стороны закона и вся нация окажется преступниками. На чьей стороне должны оказаться симпатии публики, когда встанет вопрос должны ли книги наподобие “Робинзона Крузо” или “Пути паломника” находиться в любом доме, или же они должны быть заточены в библиотеках богачей ради выгоды правнука издателя, сотню лет назад заплатившего

ничтожную сумму автору, когда тот пребывал в нужде? Примите также во внимание, что если только нарушение литературной собственности перестанет рассматриваться как предосудительное, никто уже не сможет сказать, сколь далеко оно зайдет. Публика редко делает удачные разграничения в подобных случаях. Все ныне существующее авторское право разделит ту неприязнь публики и опасности, которым должны подвергнуться те новые права, которые мы хотим сейчас установить. И вы должны согласиться, что устанавливая неразумные ограничения на переиздание работ покойных авторов, вы в значительной степени подрываете те ограничения, которые ныне предохраняют людей от ограбления и обмана живых авторов. Если бы я видел, господи, хоть какую-нибудь возможность исправить этот билль в комиссии таким образом, который позволил бы устранить мои возражения, я не стал бы вносить разлад в Палату на этом этапе. Но я столь уверен в невозможности исправлений, которые бы сделали этот акт приемлемым для меня, и которые не были бы неприемлемыми для моего почтенного и ученого друга, я должен, хотя и с сожалением, предложить вернуться к обсуждению этого проекта во втором чтении через шесть месяцев в этот же самый день.

2. Речь, произнесенная в комиссии Палаты Общин 6-го апреля 1842 года

Третьего марта 1842 года лорд Мэхон получил разрешение внести проект поправок к закону об авторском праве, продлевавший срок действия авторского права на книги до двадцати пяти лет от момента смерти автора.

Шестого апреля комиссия Палаты под председательством мистера Грина рассматривала этот проект. В результате с некоторыми изменениями был принят план, предложенный в следующей речи.

Мистер Грин, я был очень приятно удивлен замечаниями которые сделал мой благородный друг (лорд Мэхон) по поводу аргументов, которые я выдвинул в предыдущем составе Палаты Общин против билля, внесенного очень способным и образованным человеком, мистером Серджендом Тэлфордом. Мой благородный друг оказал мне высокую и редкую честь. Это, насколько я могу судить, первый случай, когда речь, произнесенная перед одним составом Парламента, вызвала ответ в другом. Для меня не составило бы труда подтвердить обоснованность ранее выдвинутых мною доводов, представить их в более ясном свете, и укрепить их с помощью дополнительных фактов. Но мне представляется, что будет лучше обсудить проект, который сейчас находится перед нами, нежели проект, рассмотренный четырнадцать месяцев тому назад. Мне приятно видеть значительные различия между этими двумя законопроектами, и то что хотя мой благородный друг и пытался опровергнуть мои доводы, но при этом действовал так, как если бы он был убежден ими. Я говорил, что срок продолжительностью в шестьдесят лет слишком велик. Мой благородный друг сократил его до двадцати пяти лет. Я предупреждал Палату, что в случае принятия билля мистера Сердженда Тэлфорда значительные произведения вполне вероятно могут быть изъяты из печати представителями автора. Мой благородный друг подготовил статью которая, как он полагает, должна предотвратить эту опасность. Я не хочу тратить время Комиссии на обсуждение вопросов, по поводу которых мы пришли к согласию, и намерен перейти к тому делу, ради которого мы собрались здесь этим вечером.

Господа, я не имею возражений против принципов, на которых основывается проект моего благородного друга. Более того, я не имею возражений против принципов, на которых основывался прошлый годний билль. Я давно полагаю, что продолжительность действия авторского права нуждается в увеличении. Когда мистер Сердженд Тэлфорд попросил разрешения внести в палату его законопроект, я не возражал против этого. Действительно – я предлагал проголосовать за рассмотрение билля во втором чтении и за то, чтобы при этом учесть в нем то, о чем я говорил в Комиссии. Но ученейший Сердженд не оставил мне выбора. Он настаивал на том, чтобы никто из тех, кто желает сократить срок в шестьдесят лет, не голосовал за него. Он говорил “Если все, что вы хотите предложить литераторам – это увеличение нынешнего срока на ничтожные четырнадцать или пятнадцать лет, то я не нуждаюсь в вашей поддержке. Я не желаю подобной помощи. Я презираю ее”. Поскольку я не хотел навязывать ученейшему Сердженду поддержку, которую он презирает, мне не оставалось другого выбора, кроме как выяснить мнение Палаты при помощи голосования. Нынешние обстоятельства совершенно иные. Проект моего благородного друга в его нынешнем виде не является хорошим законом; но он может быть исправлен и превращен в очень хороший закон; я уверен что если он будет усовершенствован подобным образом то никто не отвергнет его. И он, и я имеем в виду одни и те же цели; мы расходимся только в том, какой способ окажется наилучшим для их осуществления. Мы равно стремимся к тому, чтобы расширить преимущества, которыми ныне пользуются писатели. Вопрос состоит лишь в том, каким образом их следует расширить, так чтобы принести наибольшую пользу для авторов и причинить наименьшие неудобства общественности.

Нынешний закон таков: автор произведения обладает исключительными правами на произведение в течение двадцати восьми лет. Если он остался жив по истечении двадцати восьми лет с момента публикации, за ним сохраняются его права до конца его жизни.

Мой благородный друг не предлагает увеличить срок в двадцать восемь лет. Он предлагает, чтобы авторское право охранялось двадцать пять лет после момента смерти автора. Таким образом мой благородный друг не добавляет ничего к той части нынешнего срока, которая является вполне определенной, одновременно добавляя значительную величину к гораздо менее определенной части этого срока.

Мое предложение прямо противоположно. Я предлагаю не увеличивать неопределенный срок, но я предлагаю значительно увеличить вполне определенный срок. Я предлагаю добавить четырнадцать лет к нынешнему двадцативосьмилетнему сроку, который закон сейчас предоставляет автору. Его права в этом случае будут охраняться до его смерти либо до истечения сорока двух лет, в зависимости от того,

что случится раньше. Я полагаю, что смогу убедить Комиссию, что мой план будет более полезен для литературы и литераторов, нежели предложение моего благородного друга.

Господа, очевидно, что покровительство, которое мы предоставляем книгам, должно быть распределено настолько равномерно, насколько это возможно, чтобы каждой книге досталась справедливая доля этого покровительства и чтобы ни одной книге не досталось больше, чем полагается по справедливости. Очевидно, было бы нелепостью заставить писателей тянуть жребий по поводу длительности их прав и предоставить одним авторам выигрыш в двадцать восемь лет, другим – в пятьдесят лет или третьим – в девяносто. Но это именно та разновидность лотереи, которую предлагает учредить мой благородный друг. Я понимаю, что мы не можем полностью исключить случайность. Мы имеем два срока действия авторского права. Один из них определен однозначно, другой – неопределен. И я согласен что мы не можем полностью избавиться от неопределенности. Вне всякого сомнения верно, что авторские права должны сохраняться за автором в течение всей его жизни. Но хотя, господа, мы не можем полностью исключить случайность, мы можем в значительной степени уменьшить долю, случайности в вознаграждении, которое мы намерены предоставить гению и учености. Любое прибавление, которое мы делает к определенному сроку уменьшает влияние случая; любое добавление, которое мы делаем к неопределенному сроку его увеличивает. Я думаю, что буду лучше понят, если я приведу примеры. Возьмем двух знаменитых писательниц, которые умерли уже на нашей памяти, мадам д'Эрбле и мисс Остин. Согласно ныне действующему закону авторское право на очаровательные романы мисс Остин будет охраняться от двадцати восьми до тридцати трех лет. Причина этого в том, что мисс Остин умерла молодой, еще до того как ее талант был по достоинству оценен. Мадам д'Эрбле пережила почти все свое поколение. Авторское право на ее знаменитый роман, "Эвелина", длится согласно нынешнему закону шестьдесят два года. В этом случае неравенство значительно больше: шестьдесят два года для "Эвелины" и только двадцать восемь лет для "Доводов рассудка". Но моему благородному другу это неравенство не кажется достаточным. Он предлагает увеличить срок действия авторских прав мадам д'Эрбле на двадцать пять лет, но не добавляет ни одного дня для мисс Остин. Он сохраняет за "Доводами рассудка" авторское право длительностью только двадцать восемь лет, как это есть и сейчас, и, в тоже время, за "Эвелиной" сохраняет авторское право на более чем в три раза длительный период – восемьдесят семь лет. Разумно ли это? Теперь рассмотрим результат предлагаемого мною плана. Я не добавляю ничего к шестидесяти двум года для книги мадам д'Эрбле, которых с моей точки зрения вполне достаточно; но я увеличиваю срок охраны прав мисс Остин до сорока двух лет, что с моей точки зрения не слишком много. Вы видите, господа, что в настоящее время в этом вопросе шансы могут слишком сильно колебаться: что покровительство, предоставляемое Государством словесности распределяется очень неравномерно. Вы видите, что если предложение моего благородного друга будет принято, то для случайности будет оставлено еще больше места, чем при нынешней системе, и что вы получите такие диспропорции, которые отсутствовали при нынешней системе. Вы также видите, что при мерах, которые предлагаю я, мы тоже не получим ни совершенной определенности, ни совершенного равенства, но получим значительно меньшие по сравнению с настоящим временем неопределенность и неравенство.

Но это еще не все. План моего благородного друга заключается не просто в том, чтобы учредить лотерею, в которой некоторые писатели выиграют приз, а некоторые – не выиграют ничего. Он гораздо хуже. Предлагаемая им лотерея устроена таким образом, что в подавляющем большинстве случаев проигрыш будет приходиться на лучшие книги, а выигрыши – на книги меньшего достоинства.

Возьмем для примера Шекспира. Мой благородный друг собирается предоставить защиту на срок, больший, чем предлагаю я, для "Бесплодных усилий любви" и "Перикла, царя Тира", но более короткий по сравнению с моим срок для "Отелло" и "Макбета".

Теперь возьмем Мильтона. Мильтон умер в 1674. Авторское право на труды Мильтона должно, в соответствии с планом моего благородного друга, окончиться в 1699. "Комус" появился в 1634, "Потерянный Рай" в 1668. Таким образом, мой благородный друг предлагает для "Комуса" срок действия авторского права в шестьдесят пять лет, а для "Потерянного рая" только тридцать один год. Разумно ли это? "Комус" – прекрасная поэма, но разве сравнится она с "Потерянным раем"? Я предлагаю установить срок в сорок два года как для "Потерянного рая", так и для "Комуса".

Позвольте перейти нам от Мильтона к Драйдену. Мой благородный друг предоставляет более шестидесяти лет действия авторского права худшим работам Драйдена; хвалебным стихам в адрес Оливера Кромвеля, "Rival Ladies", другим неудачным произведениям, которые столь плохи, как будто они написаны Флекноу или Седли: но для "Теодора и Гонории", для "Танкреда и Сигизмунды", для "Кимона и Ифигении", для "Паламона и Аркита", для "Пиршества Александра" мой благородный друг считает до-

статочным двадцати восемью лет. Из всех трудов Поупа мой благородный друг предоставляет наибольшее покровительство тому “Пасторалей”, которые замечательны разве тем, что это произведение, созданное мальчиком. Первой работой Джонсона был опубликованный в 1735 году перевод “Книги о путешествии по Абиссинии”. Он был столь плохо выполнен, что в последующие годы Джонсон не любил упоминаний о нем. Однажды Босуэлл раздобыл экземпляр этого произведения и задал своему другу вопрос по этому поводу. “Не надо говорить об этом”, сказал Джонсон, “это вещь которую лучше забыть”. Для этого произведения мой благородный друг предлагает установить огромный семидесятилетний срок охраны авторских прав. Для “Жизнеописаний поэтов” он предлагает всего лишь тридцать лет. Хорошо; возьмем Генри Филдинга; не имеет значения, кого я возьму, пусть это будет Филдинг. Его ранние произведения можно читать только ради любопытства, и их бы не читали даже ради любопытства, если бы не слава, которую Филдинг получил позднее благодаря совсем другим произведениям. Какова ценность “Temple Beau”, “Intriguing Chambermaid” и полудюжины других пьес, даже названия которых известны очень немногим? Но именно для этих посредственных произведений мой благородный друг предлагает установить срок действия авторского права больший, нежели для “Тома Джонса” и “Амелии”.

Перейдем к Бёрку. Его небольшой трактат, “Защита естественного общества” не лишен некоторых достоинств; но его бы не вспоминали в наши дни, если бы его автором не был Бёрк. Этому произведению мой благородный друг предоставляет почти семьдесят лет покровительства. Но для его замечательной работы про Французскую Революцию, его “Appeal from the New to the Old Whigs”, его “Letters on Regicide Peace” он предоставляет защиту только на тридцать или немногим более лет.

И заметьте, господа, что я не отбирал исключительные случаи, чтобы создать видимость подтверждения правила. Я просто рассмотрел наиболее значительные имена нашей литературы, взяв их в хронологическом порядке. Обратитесь к другим народам; к другим временам; вы найдете ту же общую закономерность. В Афинах и Риме не было авторского права, но история греческой и латинской литературы иллюстрирует этот мой аргумент столь же хорошо, как если бы авторское право существовало в античности. Из всех драм Софокла, план моего благородного друга предлагает наиболее скудное вознаграждение его шедевру – “Эдипу в Колоне”. Может ли кто-либо поставить в один ряд речь Демосфена против его опекунов с его речью “О венке”? Мой благородный друг этого не делает. Для речи против опекунов он предлагает срок авторского права примерно в семьдесят лет, а для несравнимой с ней речи “О венке” только половину этого времени. Обратимся к Риму. Мой благородный друг предлагает более чем в два раза долгий срок для юношеских речей Цицерона в защиту Росция Америнуса, нежели для второй Филиппики. Перейдем к Франции. Мой благородный друг предоставляет больший срок для “Братьев-врагов” Расина, чем “Афалии”, и “Шалому” Мольера нежели его “Тартюфу”. Обратимся к Испании. Мой благородный друг предлагает больший срок для забытых книг Сервантеса, книг которые сейчас никто не читает, нежели “Дон-Кихоту”. Посмотрим на Германию. Из всех произведений Шиллера наименьшее вознаграждение получают “Разбойники”, а из всех произведений Гете наибольшее вознаграждение будет предоставлено “Страданиям Вертера”. Я благодарен комиссии, которая любезно выслушала это столь длинное перечисление. Я уверен, вы понимаете, что я перечислил столько много книг и авторов не ради педантизма. Когда мы обсуждаем гражданские дела, мы постоянно берем нужные нам примеры из гражданской истории. Поэтому во время обсуждения дел литературных мы должны брать примеры из истории литературы. Сейчас, господа, я думаю можно считать доказанным, что план моего благородного друга предоставляет незрелым и несовершеннолетним произведениям, второ- и третьесортным книгам значительное преимущество перед величайшими творениями гения. Невозможно счесть простой случайностью тот ряд фактов, которые я представил Вам. Количество их слишком велико и характер их слишком единообразен. Мы должны искать им другое объяснение. И мы легко можем его найти.

Человеческий ум, согласно со своей природой, достигает своей полной силы постепенно. Это особенно верно для наиболее сильных умов. Нет никакого сомнения, что молодые люди часто создают произведения больших достоинств, но вряд ли возможно назвать хоть одного писателя первой величины, у которого лучшими произведениями будут созданные им в молодости. Едва ли будет оспариваться то, что все наиболее значимые книги по истории, филологии, физическим и метафизическим наукам, книги на религиозные темы и книги о политической экономии были созданы людьми зрелого возраста. Вопрос несколько менее ясен в отношении художественных произведений. Но я не могу назвать художественных произведений наивысшего класса любой страны или эпохи, которые бы были созданы людьми моложе тридцати пяти лет. Чтобы ни говорили о силах, которые юноша получает от природы, невозможно, чтобы его вкус и суждения были зрелыми, чтобы его ум был богато наполнен образами, чтобы он был знаком с превратностями судьбы, чтобы он мог быть знаком с тонкими оттенками характера. Как очень точно отметил Мармонтель, как может человек нарисовать портрет, если он ни разу не видел лица? В целом, я полагаю,

что не сильно ошибусь, предположив что те из ныне существующих книг, которым суждено пережить девятнадцатый век, были опубликованы авторами, достигшими сорока лет. Но если дело обстоит таким образом, должно быть очевидно, что план моего благородного друга основывается на ошибочном принципе. Предоставляя юношеским произведениям много большую защиту, нежели они заслуживают, он дает сравнительно немного для произведений, созданных людьми в расцвете их способностей и абсолютно ничего для произведений, опубликованных в последние три года жизни писателя, поскольку, согласно ныне действующему закону авторское право на такие произведения продолжается двадцать восемь лет со дня публикации, а мой благородный друг предоставляет им только двадцать пять лет, с момента смерти автора.

Я предлагаю, чтобы определенный срок, отсчитываемый от момента публикации, составлял бы сорок два года вместо двадцати восьми лет. В таком соглашении нет ни неопределенности ни неравенства. Привилегия, которую я предлагаю, будет равной для любой книги. Не будет трудов, которые будут защищены авторским правом столь долго, как мой благородный друг предлагает для некоторых книг, также не будет работ, охраняемых столь короткое время, как он предлагает для некоторых других. Авторское право не сможет длиться девяносто лет. Также, авторское право не сможет прекратиться через двадцать восемь лет. Для любой книги, опубликованной в последние семнадцать лет жизни писателя я предлагаю больший срок охраны авторских прав, нежели мой благородный друг. Я уверен, что ни один сведущий в истории литературы человек, не будет отрицать того что обычно наиболее значительные труды автора публикуются в течение последних семнадцати лет его жизни. Я коротко перечислю только очень немногие из значительных трудов английских писателей, по отношению к которым мой план более благосклонен, нежели план моего благородного друга. Я предлагаю более длительный срок действия авторского права, нежели мой благородный друг, для “Короля Лира”, “Отелло”, Королевы фей”, “Потерянного Рая”, “Нового Органона” и “О достоинстве и приумножении наук” Бэкона, для “Опыта о человеческом разуме” Локка, “Истории” Кларендона и “Истории” Юма, “Истории” Гиббона, для “Благосостояния народов” Адама Смита, “Зрителей” Аддисона, почти всех значительных работам Бёрка, для “Клариссы” и “Сэра Чарльза Грандисона”, “Джозефа Эндрюса”, “Тома Джонса” и “Амелии” и, за единственным исключением “Веверлея”, для всех романов сэра Вальтера Скотта. Может ли кто-то противопоставить что-либо этому перечню? Разве не содержит этот список то величайшее, что создала Англия в различных жанрах поэзии, философии, истории, словесности, мудрости и искусного описания жизни и нравов? Поэтому я уверенно призываю Комиссию предпочесть мой план плану моего благородного друга. Я показал, что охрана, которую он предлагает предоставить словесности неравноценна, и неравноценна в худшем роде. Я продемонстрировал, что его план предоставляет защиту книгам в пропорции, обратной их достоинствам. Я хочу предложить, когда мы перейдем к третьему чтению проекта закона, опустить слова “двадцать пять лет” и последующей части той же статьи заменить слова “двадцать восемь лет” на “сорок два года”. Я искренне надеюсь, что Комиссия примет эти поправки; и я испытываю глубочайшую уверенность, что исправленный таким образом проект моего благородного друга дарует великое преимущество литераторам, причинив наименьшее из возможных неудобство общественности.